Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.571'42+81'27+81'25
ББК Ш171.1-51+Ш100.621+Щ118 *ГРНТИ 16.21.27; 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8*

Сунь Минцзе
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, 547360687@qq.com, https://orcid.org/0009-0005-4261-745X

Дисфемизмы в современном китайском дипломатическом дискурсе и проблемы их перевода на русский язык

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются дисфемические обороты в документах МИД КНР и высказываниях профессиональных дипломатов, связанные с нынешним ростом напряженности в отношениях между Китаем и Японией. Источником текстов был официальный сайт МИД КНР, варианты их перевода брались с русской версии указанного сайта. Проанализированы проблемы перевода избранных дисфемизмов с китайского на русский язык. Проблема перевода дисфемизмов заключается не только в точной передаче содержания, но и в сохранении их эмотивности и культурного интенсионала, без чего возможны искажения и даже потеря части информации. В фокусе внимания — дисфемизмы, которые хоть редко появляются в китайском дипломатическом дискурсе, но способны реализовать коммуникативные цели адресанта, и тактики перевода, использование которых позволит сохранять экспрессивность, сблизив переводные тексты с оригиналом. В статье показано, как употребляются в качестве дисфемизмов такие языковые средства, как оценочные слова, метафора, фразеологизм, паремия и проч. Употребление дисфемических оборотов в китайском дипломатическом дискурсе, противоречащее принципу сохранения сдержанности в различных ситуациях и исторически сложившемуся менталитету и философии китайского народа, связано с неспособностью традиционной дипломатической риторики адекватно отстаивать ключевые интересы страны — целостность территории Китая и его суверенитет.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, китайская дипломатия, дисфемизмы, дипломатический дискурс, переводоведение, русский перевод, тактика перевода, коммуникативная стратегия, перевод дисфемизмов.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сунь Минцзе, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, email: 547360687@qq.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Сунь, М.* Дисфемизмы в современном китайском дипломатическом дискурсе и проблемы их перевода на русский язык / Сунь Минцзе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 139-146.

Sun Mingjie
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, 547360687@qq.com, https://orcid.org/0009-0005-4261-745X

Dysphemisms in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse and Problems of Their Translation into Russian

ABSTRACT. *The article examines dysphemistic expressions in the documents of the Chinese Ministry of Foreign Affairs and the statements by professional diplomats related to the current rise of tension between China and Japan. The source of the texts is the official website of the Chinese Ministry of Foreign Affairs; their translations are taken from the Russian version of the same website. The article analyzes the problems of translating selected dysphemisms from Chinese into Russian. The problem of translating dysphemisms lies not only in accurate conveyance of content but also in preservation of their emotive and cultural intensity, without which distortions and even loss of part of the information may occur. The article focuses on dysphemisms. Although they appear rarely in Chinese diplomatic discourse, they are capable of fulfilling the communicative purpose of the sender and on translation tactics, the use of which can make it possible to preserve expressiveness by bringing the target text closer to the source one. The article shows how such linguistic means as evaluative words, metaphors, phraseological units, paremias, and others are used as dysphemisms. The use of dysphemistic expressions in Chinese diplomatic discourse, which contradicts the principle of remaining calm in various situations and the historically established mentality and philosophy of the Chinese people, is associated with the inability of traditional diplomatic rhetoric to adequately defend the country's key interests — the integrity of China's territory and its sovereignty.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, Chinese diplomacy, dysphemisms, diplomatic discourse, translation studies, Russian translation, translation tactics, communicative strategy, translation of dysphemisms*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Sun Mingjie, Post-Graduate Student, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Sun Mingjie.* (2026). Dysphemisms in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse and Problems of Their Translation into Russian. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 139-146. (In Russ.).

Дипломатия является главным инструментом мирного урегулирования конфликтов и поддержания безопасности и сотрудничества между странами, играет важную роль в

© Сунь М., 2026

делах международного сообщества и первостепенную роль в деятельности независимого государства при защите его собственных интересов. По словам бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, «дипломатия есть искусство сдерживания силы». Сдержанностью и корректностью характеризуется дипломатия благодаря ее функции предотвращения применения голой силы в сфере международных отношений. Тем не менее в связи с усложняющейся геополитической ситуацией в наше время дипломатия иногда выходит за традиционные рамки и используется для предупреждения возможного конфликта при жестком противостоянии сторон. Обострение международной обстановки приводит к тому, что дипломаты все чаще прибегают к употреблению дисфемических оборотов в своем дискурсе, открыто выражая свое недовольство и неприкрыто говоря об угрозе жестких методов.

Языковое явление дисфемия, будучи противоположным эвфемии, проявляется в различных стилях общения, оно проникает в большинство областей человеческой коммуникации: от институциональных речей высшего ранга до повседневных разговоров в жизни. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эвфемизм определяются как «эмоционально нейтральные или положительные обороты, употребляемые для замены синонимичных им выражений, путем которых говорящий представляет себя приличным, тактичным и вежливым образом при коммуникации»[1]. Дефиниция дисфемизма была дана Т. В. Матвеевой в словаре «Русский язык, культура речи, стилистика, риторика»: «Дисфемизм — намеренно резкая форма выражения эмоциональной оценки, замена стилистически нейтрального слова или выражения грубым, сниженным»[2]. По А. В. Бариновой, следует понимать под дисфемизмом «слово или оборот, противоположный по функции эвфемизму, а также намеренное использование вульгарного, грубого и стилистически сниженного языка, иногда нецензурных слов и выражений с целью проявления резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление» [Баринова 2006: 230]. Основываясь на вышеупомянутых интерпретациях, можем прийти к следующей дефиниции: дисфемизм представляет собой негативные и грубые лексические единицы, обозначающие эксплицитно пейоративные оценки или неприятные стороны действительности, с помощью которых коммуниканты могут выразить отрицательное отношение к собеседнику или предмету речи, не вуалируя собственные интенции.

Объектом настоящего исследования является рассмотрение дисфемизмов в дипломатическом дискурсе, поэтому необходимым оказывается разъяснить характеристики дипломатического дискурса и его взаимосвязь с дисфемизмами. Одной из важных характеристик дипломатического дискурса считается институциональность в связи со статусно-ролевой характеристикой его участников. В большинстве случаев дипломатическая коммуникация ведется профессиональными дипломатами на официальном уровне, когда произносят не личное мнение дипломатов, а «коллективное мнение, выражающее позицию представляемого ими государства и сформированное группой экспертов-аналитиков по каждому конкретному вопросу или же отражающее мнение первых лиц государства»[3]. В процессе дипломатической коммуникации важным считается принцип соблюдения дипломатического этикета и протокола, которые уже строго регламентированы в условиях длительного международного общения. Среди исторически сложившихся правил дипломатического протокола главными признаются вежливость и взаимность, «отход от этих принципов может рассматриваться как недружественное действие и, следовательно, может повлечь за собой ответные шаги или ограничительные меры» [Беляков, Максименко 2019: 61–67]. Поэтому такую важную роль играют эвфемизмы в дипломатическом дискурсе благодаря их способности избегать реального или потенциального конфликта. Функции эвфемизмов в дипломатическом дискурсе заключаются в «смягчении напряженности ситуации, вуалировании нежелательной реальности, избегании негативных ассоциаций, отвлечении внимания от отрицательных фактов, в то же время эвфемизм может служить средством имплицитного выражения иронии» [Сунь Минцзе 2024: 231–237]. А дисфемизмы, наоборот, всегда несут в себе отрицательную оценочность и эксплицитную

[1] Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 590.

[2] Матвеева, Т. В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика : более 900 понятий и терминов / Т. В. Матвеева. — Москва : Флинта, 2003. — С. 95. — ISBN 5-89349-381-8. — EDN QQSMYX.

[3] Беляков, М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дис. … д-ра филол. наук / Беляков М. В. — Москва, 2022. — С. 44.

эмоциональность, использование их в дипломатическом дискурсе, как правило, может усугубить напряженность, приводя к выходу коммуникации из-под контроля. В международном общении высказывания дипломатов должны быть построены с минимальной эмоциональностью и оценочностью, т. е. протокол требует как можно меньше пользоваться дисфемическими оборотами. Этот критерий, с одной стороны, соответствует лингвопрагматическим требованиям дипломатического дискурса, с другой — способствует реализации коммуникативной стратегии аргументации.

Для данного исследования важной является стратегия перевода, которая позволяет верно передать фактическую информацию оригинала, по возможности максимально сохранять тон и стилистические особенности переводимого текста, делать переводный текст приемлемым для намеченных адресатов. По словам О. В. Кафискиной, стратегия перевода важна в практике перевода, так как качество переводного текста во многом зависит от планирования стратегии перевода прежде начала реальных переводческих действий [Кафискина 2017: 4–19]. Под стратегией перевода А. Д. Швейцер понимает «выработку программы переводческих действий и претворение этой программы в жизнь, а именно: совершение рациональных операций, выражающихся в выборе буквального, вольного, дословного, точного вида перевода» [Швейцер 1988: 24]. Здесь мы выделяем 3 тактики перевода, которые зачастую используются переводчиками на практике: дословная, аналоговая и описательная. Так, Н. К. Гарбовский определяет стратегию перевода как «определённую генеральную линию поведения переводчика, стратегию преобразования им исходного текста в виде „деформации“ последнего, когда решается вопрос о том, чем жертвовать» [Гарбовский 2004: 508]. В связи с различиями в языковых системах и национально-культурной фоновой информации среди носителей китайского и русского языка, проблема перевода дисфемизмов заключается не только в точной передаче содержания, но и в сохранении их эмотивности и культурного интенсионала, так как в ходе перевода иногда возникают искажения и даже потери информации. Это в определенной степень требует от переводчика уровня владения языками и гибкости в решении трудностей и, безусловно, чувствительности к улавливанию смысла. В данном исследовании мы будем анализировать тексты, источником которых является официальный сайт МИД КНР, и варианты их перевода на русском языке, которые были опубликованы в русской версии сайта МИД КНР. В первую очередь наше внимание будет сфокусировано на переводах дисфемизмов. Какие языковые средства использованы в выбранных нами текстах для реализации коммуникативной тактики дисфемизации? Какие тактики перевода? Насколько переводные тексты отличаются от исходных текстов? Именно эти вопросы и являются предметом настоящего исследования в данной статье.

Обратимся к реальному политическому событию, которое породило дипломатическую полемику.

Премьер-министр Японии Санаэ Такаити недавно высказалась о том, что военное нападение материкового Китая на Тайвань может стать для Японии «кризисом, угрожающим существованию государства». Тем временем, в ходе парламентских дебатов, Такаити настаивала на том, что ее высказывания соответствуют взглядам японского правительства и что она не намерена отзывать их формулирование. В ответ на это в Китае прозвучала острая критика и осуждение опасных и провокационных высказываний премьер-министра Японии. Резкие высказывания, включающие дисфемизмы, появились не только в передовицах партийной газеты КПК «Жэньминь жибао» и официальных заявлениях МИД КНР, но и в постах профессиональных дипломатов в соцсетях. По нашим данным, такая интенсивность употребления дисфемизмов в течение столь короткого периода времени является довольно редким явлением в практике китайского дипломатического дискурса. Намеренный отказ от дисфемизмов в дипломатическом дискурсе восходит к исторически сложившемуся менталитету и философии китайского народа. Дипломаты, как правило, поддерживают сдержанный и достойный образ в различных дипломатических ситуациях. Реакция на слова японского премьер-министра является исключением. Следует предположить, что употребление дисфемических оборотов в китайском дипломатическом дискурсе связано с неспособностью традиционной дипломатической риторики адекватно отстаивать ключевые интересы страны — целостность суверенитета и территории Китая.

Материалом данной работы служит дискурс профессиональных дипломатов высшего ранга КНР, касающийся нарастающего в последние дни конфликта между Китаем и Японией, потенциально способного вызвать военный кризис. Все материалы опубликованы на официальном сайте МИД КНР и в личных аккаунтах китайских дипломатов в

соцсетях, и также частично цитируются по «Газете Народно-освободительной армии Китая».

Обратимся к источникам. Когда премьер-министр Японии выступила с провокационным заявлением, МИД Китая незамедлительно провел брифинг для журналистов, и на нем пресс-секретарь жестко ответил на соответствующие высказывания. Процитируем из него краткий отрывок:

日本首相高市早苗日前在国会公然发表涉台**露骨挑衅**言论，暗示**武力介入**台海的可能性。在中方表达严正交涉和强烈抗议后，还**执迷不悟、拒不撤回**。上述错误言行**严重违背**一个中国原则，**严重违背**中日四个政治文件精神和国际关系基本准则，**粗暴干涉**中国内政，**挑战**中方核心利益，**侵犯**中国主权，中方对此坚决反对、绝不容忍，日方必须立即纠正，收回**恶劣言论**，否则一切后果必须由日方承担。

日本曾对台湾实行**殖民统治**，犯下**罄竹难书**的**罪行**。**日本军国主义**历史上曾多次以所谓“存亡危机”为借口**发动对外侵略**，包括**以**“行使自卫权”**为由悍然**制造“九一八事变”，**挑起侵华战争**，给包括中国在内的亚洲乃至世界人民带来**深重灾难**。

日本当政者妄图介入台海事务，既是对国际正义的**粗暴践踏**、对战后国际秩序的**公然挑衅**，也是对中日关系的**严重破坏**。如日方胆敢武力介入台海局势，将构成侵略行为，中方必将**迎头痛击**！ ... 我们正告日方，必须深刻反省历史罪责，立即停止干涉中国内政、**挑衅越线**的错误言行，**不要**在台湾问题上**玩火**，**玩火者必自焚**！[1]

Перевод: *«Премьер-министр Японии Санаэ Такаити недавно сделала в парламенте **откровенно провокационные** заявления в адрес Тайваня, намекнув на возможность **военного вмешательства** в Тайваньский пролив. Несмотря на решительный протест и серьезные предостережения Китая, они **упрямо держатся своего мнения и не отказываются от него**. Вышеупомянутые ошибочные слова и действия **серьезно нарушают** принцип „одного Китая“, дух четырех китайско-японских политических документов и основополагающие нормы международных отношений. Это **грубое вмешательство** во внутренние дела Китая, **вызов** его коренным интересам и **ущемление** его суверенитета. Китай решительно выступает против этого и никогда не потерпит этого. Япония должна немедленно исправить свои ошибки и отказаться от своих **вопиющих высказываний**; в противном случае Япония будет нести ответственность за все последствия.*

*Япония когда-то **колонизировала** Тайвань и совершила **бесчисленные преступления.** На протяжении всей своей истории **японский милитаризм** неоднократно использовал предлог „важнейшего кризиса“ для **развязывания внешней агрессии**, в том числе **нагло** организовав „инцидент 18 сентября“ **под предлогом** „осуществления права на самооборону“, **спровоцировав агрессивную войну** против Китая и принеся **глубочайшие бедствия** народам Азии, включая Китай, а также всего мира.*

*Попытка японских властей вмешаться в дела между сторонами пролива является не только **вопиющим попранием** международного правосудия и **открытой провокацией** против послевоенного международного порядка, но и наносит **серьезный ущерб** китайско-японским отношениям. Если Япония осмелится осуществить военное вмешательство в ситуацию в Тайваньском проливе, это будет считаться актом агрессии, и Китай непременно **примет меры ответного воздействия!** ... Мы со всей серьезностью предупреждаем Японию, что она должна глубоко задуматься о своих исторических преступлениях, немедленно прекратить свои ошибочные слова и действия, направленные на вмешательство во внутренние дела Китая, **провокации и пересечение границы**, а также **не играть с огнем** в тайваньском вопросе! **Играющий с огнем непременно сожжет сам себя**».*

Стоит отметить, что высказывание премьер-министра Японии Санаэ Такаити в ходе парламентских дебатов, по сути, является внутриполитическом дискурсом, оно направленно на обеспечение поддержки со стороны правых фракций и народа с целью укрепления своего правящего статуса. Это соответствует основной задаче политического дискурса — удержаться у власти. Одновременно ее слова означали стремление правительства Японии «ловить рыбу в мутной воде» в надежде восстановить ограниченные военные возможности Японии, утраченные после войны. Учитывая зверства, совершенные во время Второй мировой войны японскими военными, в ее речи скрывается не только политический лозунг, но и чрезвычайный опасный сигнал для международного сообщества.

В отличие от политического дискурса, основная цель дипломатического дискурса заключается в защите интереса государства. Весь приведенный выше отрывок нацелен на то, чтобы выразить ясную позицию китайских дипломатов по вопросам территори-

альной целостности. Мы видим отказ от нейтральной лексики. Так, в тексте использованы прилагательные и наречия, несущие в себе ясную отрицательную оценку, такие как: 挑衅的***провокационный,*** 粗暴的***грубый,*** 恶劣的***вопиющий,*** 侵略的***агрессивный,*** 露骨地***откровенно,*** 固执地***упрямо,*** 悍然地***нагло*** и т. д. Адресант стремится оказать нужное воздействие на сознание адресата, именно для этой цели используются явные дисфемизмы, апеллирующие к эмоциям аудитории, ее интересам и ценностям. В этом отрывке также активно используются отглагольные существительные и глаголы, которые тоже в рамках дипломатического дискурса могут быть охарактеризованы как дисфемизмы: 介入***вмешательство,*** 违背***нарушать,*** 挑战***вызов,*** 侵犯***ущемление,*** 殖民统治***колонизировать,*** 罪行***преступление,*** 军国主义***милитаризм,*** 发动对外侵略 ***развязывать внешние агрессии,*** 挑起侵华战争 ***спровоцировать агрессивную войну против Китая,*** 深重灾难***глубочайшие бедствия,*** 粗暴践踏***вопиющее попрание,*** 严重破坏 ***серьезный ущерб*** и т. д. Употребление явных дисфемизмов позволяет усилить критический характер дискурса. Благодаря массированному использованию отрицательно оценочной лексики, шаги японских дипломатов, отражающие устремления японского правительства, ассоциируются с варварством и кровопролитием. Очевидно, что в переводном тексте (русском варианте) переводчик точно передал исходные значения, используя тактику дословного перевода, оказавшуюся эффективной для перевода тех лексических единиц, которые эквивалентно существуют в двух языках.

Дисфемизация, наряду с многими риторическими приемами, такими как дистанцирование, опровержение, неявная или открытая критика, служит тактикой актуализации коммуникативной стратегии аргументации [Рябова, Каруковец 2025]. В процитированном выше тексте использовалась также тактика сомнения в истинности информации, реализованная при помощи предложного сочетания 以...为由 ***под предлогом***. Это сочетание показывает, что истинные намерения противоположной стороны разительно отличаются от применяемой ими риторики. Цитирование отрывка из речи японского премьер-министра: “行使自卫权” «***осуществление права на самооборону***», в сочетании с оборотом 以...为由 ***под предлогом*** позволяет реализовать функцию разоблачения истинного замысла японского правительства. При этом нельзя не вспомнить реальное историческое событие, которое пресс-секретарь также упомянул в своей речи — «инцидент 18 сентября», который произошел в 1931 г.: тогдашнее японское правительство под тем же предлогом «осуществления права на самооборону» спровоцировало агрессивную войну против Китая. Напоминая об этом реальном инциденте, пресс-секретарь аргументировал злостные намерения японского правительства при нынешнем событии.

В некоторых случаях в переводном тексте передать эффект от использования дисфемизма бывает весьма затруднительно. Так, в оригинальном тексте употреблено словосочетание 迎头痛击, которое прежде не использовалось в китайском дипломатическом дискурсе. Данное словосочетание буквально следует перевести как «***сильно ударить по голове, нанести лобовой удар***». Это выражение является дисфемизационной заменой выражения «***принять меры ответного воздействия***», однако этот же смысл выражен более жесткими языковыми средствами, служащими строгим предупреждением о том, что ответные меры будут сокрушительными. Здесь переводчик прибегает к тактике описательного перевода, донося основное значение без потери смысла, однако стилистическая окраска и риторический эффект оказываются менее значимыми, чем в оригинальном тексте.

Особо следует выделить проблему перевода фразеологических оборотов и паремий. Здесь также применяются различные тактики для сохранения дисфемизма. В тексте есть фразеологизм 越线, который буквально значит «переступать через линию», в тексте переведен как ***пересечение границы***. «Граница», несомненно, здесь значит «красную линию», которая представляет собой дипломатическое клише, в контексте дипломатического общения «обозначение предела терпения одной из сторон, позиции, при нарушении которой безопасность более не гарантирована» [Tertrais 2016].

В конце текста пресс-секретарь использовал китайскую паремию 玩火者必自焚 (букв. ***играющий с огнем непременно сожжет сам себя***), которая в контексте является дисфемическим оборотом и также служит строгим предупреждением, подчеркивая серьезность результата любой попытки военного вмешательства во внутренние дела Китая. При переводе данной паремии была использована тактика аналогового перевода. Посредством подобного этой паремии русского фразеологизма «играть с огнем» (поступать неосмотрительно, рискованно) переводчик передал точный смысл оригинала и выразительность, не изменив при этом национально-специфичный оттенок.

На брифинге, состоявшемся на следующий день, пресс-секретарь вновь подтвердил твердую позицию по данному вопросу. Приведем отрывок из текста, который был опубликован 14 ноября 2025 на сайте МИД КНР:

有关问题根源在于日本首相高市早苗发表**极其错误、极为危险、极具挑衅**的涉台言论，还不思悔改，拒不撤回。这种行为粗暴干涉中国内政，严重违背国际法和国际关系基本准则，严重破坏战后国际秩序，严重违背一个中国原则和中日四个政治文件精神，严重破坏中日关系政治基础，严重伤害中国人民感情。

任何人**妄想挑战**中国人民的底线，必将遭到中方的**迎头痛击，必将在14亿多中国人民用血肉筑成的钢铁长城面前碰得头破血流**！任何势力胆敢阻挠中国统一大业，都是**痴心妄想、螳臂挡车**，注定失败！[2]

Перевод: *«Корень проблемы кроется в* ***крайне ошибочных, крайне опасных и крайне провокационных*** *высказываниях премьер-министра Японии Санаэ Такаити в отношении Тайваня, в которых она не раскаялась и не отказывается от них. Такое поведение представляет собой грубое вмешательство во внутренние дела Китая, серьезное нарушение международного права и основных норм международных отношений, серьезный подрыв послевоенного международного порядка, нарушение принципа „одного Китая“ и духа четырех политических документов между Китаем и Японией, серьезный ущерб политической основе китайско-японских отношений и оскорбление чувств китайского народа.*

Любой, кто ***осмелится посягнуть*** *на коренные интересы китайского народа, неминуемо получит* ***сокрушительный отпор*** *со стороны Китая и* ***разобьет себе голову о несокрушимую Великую китайскую стену, возведенную из плоти и крови более 1,4 миллиарда китайцев****! Любая сила, которая посмеет препятствовать великому делу воссоединения Китая, предается* ***бредовым фантазиям*** *и подобна* ***богомолу, пытающемуся остановить колесницу****. Ее ждет неминуемый провал!»*

В вышеприведенном примере последовательно использовались три анафоричных словосочетания с наречием «крайне» 极其错误、极为危险、极具挑衅 (*крайне ошибочные, крайне опасные и крайне провокационные*), которые выступают в качестве своего рода «эхо-фразы» (термин, известный в маркетинговой сфере, «лингвопрагматика употребления которого состоит в умелом закреплении в сознании реципиента необходимой информации, повторении в тексте наиболее яркого выражения»[1]). Посредством этого риторического приема вызывается большой эмотивный резонанс у реципиента. Кроме повторения словосочетания 迎头痛击 (здесь также была использована тактика описательного перевода, переводчик применял выражение «***сокрушительный отпор***» вместо буквального значения «*сильно ударить по голове*», снижая риторическое и эмоциональное воздействие), в тексте использовались две развернутые метафоры: 头破血流 (букв. *разбита голова и течет кровь*) и 十四亿多中国人民用血肉筑成的钢铁长城 (*несокрушимая Великая китайская стена, возведенная из плоти и крови более 1,4 миллиарда китайцев*). Первая метафора 头破血流 (*разбита голова и течет кровь*) представляет собой дисфемизационную замену поражения, одновременно служит суровым предупреждением, что является предостережением вмешательства в дела Китая. Другая метафора 十四亿多中国人民用血肉筑成的钢铁长城 (*несокрушимая Великая китайская стена, возведенная из плоти и крови более 1,4 миллиарда китайцев*) конкретизирует силу и твердые убеждения китайского народа защищать интереса родины. Очевидно, что при решении использовать эти метафоры переводчик прибегал к тактике дословного перевода, при этом эффективно использовал символическое значение Великой стены. Эквивалент в русском языке или пояснение такого характерного для китайской культуры образа никак не могли передать экспрессивность оригинального выражения. Стоит отметить, что эта метафора является прецедентным текстом и является цитатой из гимна КНР, где есть слова: «*Вставайте все, кто рабства больше не хочет! Своей кровью и плотью построим нашу новую Великую стену*!» — что и способно вызывать эмоциональный резонанс и решимость у китайской аудитории, вызывая ременисценции кровопролитной истории Второй мировой войны.

В конце приведенного фрагмента текста употреблен фразеологизм 螳臂当车 (букв. *богомол плечом задерживает колесницу*), значение которого аналогично русскому фразеологизму «лезть на рожон» (предпринимать что-либо, заведомо обреченное на неудачу). В контексте дипломатического дискурса этот дисфемизм имеет иронический характер. Здесь переводчик не приме-

[1] Беляков, М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дис. … д-ра филол. наук / Беляков М. В. — Москва, 2022. — С. 129.

нял аналоговую тактику перевода, наоборот, дословно перевел этот фразеологизм (***богомол, пытающийся остановить колесницу)***, чтобы подчеркнуть присущий этому выражению иронический оттенок, показывающий тщетность применяемых противной стороной усилий. Этот фразеологизм оттеняется еще одним дисфемизмом: 头破血流 (***разобьет себе голову***), что предупреждает о конечном результате.

Помимо вышеприведенных отрывков, опубликованных на сайте МИД КНР, еще более дисфемическим выглядит высказывание генерального консула Китая Сюэ Цзянь в Осаке, опубликованное в сети X :

既然你擅自闯过来，就别怪我毫不犹豫地**斩下你那肮脏的头颅**。做好准备了吗？

Перевод: *Поскольку ты вторгся сюда без разрешения, не вини меня за то, что я без всяких колебаний* ***отрублю твою грязную голову****. Ты готов?*

Как видно, высказывания дипломата высшего ранга в соцсетях как будто более грубы, его слова ассоциируются с убийством, возмездием и казнью: «отрубить голову» и «грязный». Дипломат выразил свое негодование начистоту, используя эти дисфемические обороты в качестве прямой угрозы.

Заявление «Газеты Народно-освободительной армии Китая» выглядит не менее жестким, хотя дискурс Вооруженных сил не входит в категорию дипломатического дискурса:

日本全境都有**沦为战场的风险**。[4]

Перевод: *Весь Японский архипелаг* ***рискует стать полем сражения.***

Вышеперечисленные дисфемизмы, употребленные в дипломатическом и военном дискурсе, являются, по сути дела, ультиматумом, выражающим твердую позицию Китая по поводу тайваньского вопроса и решимость защищать ключевые интересы от вмешательства Японии.

Будучи частью деятельности государства, дипломатия играет важную роль в защите интересов страны, урегулировании международных проблем и предотвращении потенциальных конфликтов. Наряду с коммуникативной тактикой эвфемизации, не менее важно функционирование в дипломатическом дискурсе дисфемизации, которая направлена на прямое выражение негативных оценок адресату речи. Дисфемизация позволяет не вуалировать истинные замыслы. Кроме тех лексических единиц, которые несут отрицательные коннотации и тем самым естественно присущи дисфемии, метафорические и фразеологические обороты также могут функционировать в качестве дисфемизмов. Учитывая правила дипломатического протокола и характеристики дисфемизмов, такие языковые средства в большинстве случаев употребляются лишь в тех ситуациях, где возникали острые конфликты и интересы одной из сторон были серьезно ущемлены. В современном китайском дипломатическом дискурсе дисфемизмы могут выполнять функции предупреждения, выражения пейоративного отношения говорящего к объекту речи, привлечения внимания и иногда ультиматума. В практике перевода текстов дипломатического дискурса зачастую употребляются такие тактики, как дословная, аналоговая и описательная. Выбор подходящего приема из них существенно влияет на результат переводческих действий, что, безусловно, помогает повысить уровень межкультурного понимания и эффективности передачи воли государства. При переводе метафорических и фразеологических оборотов, являющихся дисфемизмами в конкретном тексте, иногда возникает трудность в том, чтобы передать их основной смысл и в то же время сохранять стилистические оттенки и культурные коннотации оригинальных выражений. Гибкое сочетание различных тактик в соответствии с конкретном контекстом и коммуникативной целью представляется в этом случае оптимальным подходом.

ИСТОЧНИКИ

1. 2025年11月13日外交部发言人林剑主持例行记者会. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251113_11752486.shtml (date of access: 20.05.2026).

2. 2025年11月14日外交部发言人林剑主持例行记者会. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251114_11753464.shtml (date of access: 20.05.2026).

3. 人民日报《钟声：绝不容忍高市早苗在台湾问题上的越线挑衅》2025年11月14日 — URL: https://www.peopleapp.com/column/30050752642-500007201649 (date of access: 20.05.2026).

4. 《解放军报：叫嚣武力介入台海局势只会把日本引向不归歧途》— URL: http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-11-16&paperNumber=04&articleid=967058 (date of access: 20.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баринова, А. В. Виды и способы эвфемизации в современном русском литературном языке / А. В. Баринова // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2006. — № 6. — С. 230–232.

2. Беляева, И. В. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 22(160). — С. 15–20. — EDN JTVTHH.

3. Беляков, М. В. Академический аспект дипломатического дискурса / М. В. Беляков, О. И. Максименко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2019. — Т. 16, № 1. — С. 61–66. — DOI 10.31079/1992-2868-2019-16-1-61-66. — EDN KZCKAD.

4. Валиева, Д. Р. Использование эвфемизмов в политическом дискурсе / Д. Р. Валиева // Казанская наука. — 2019. — № 12. — С. 68–70. — EDN DTWHMB.

5. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та (МГУ), 2004. — ISBN 5-211-04802-4. — EDN QQVIAN.

6. Кафискина, О. В. Стратегия перевода как термин переводоведения / О. В. Кафискина // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. — 2017. — № 1. — С. 4–19. — EDN YQPSXX.

7. Логунова, К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-2(42). — С. 109–112. — EDN SYEDHN.

8. Лысякова, М. В. Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) / М. В. Лысякова, А. А. Гаевая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 50–76. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76. — EDN YVXKPM.

9. Миронина, А. Ю. К вопросу о роли эвфемизмов в политическом дискурсе / А. Ю. Миронина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2010. — Т. 1, № 2. — С. 191–200. — EDN OWABUH.

10. Мухаметзянова, Д. Р. О процессе эвфемизации и дисфемизации в современном политическом дискурсе США / Д. Р. Мухаметзянова, Р. В. Саттарова // Перспективы развития современного гуманитарного знания. — Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2022. — С. 205–210. — EDN QGCGDK.

11. Рябова, М. Ю. Коммуникативные стратегии эвфемизации и дисфемизации дипломатического дискурса / М. Ю. Рябова, Н. С. Каруковец // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2(110). — С. 197–204. — EDN JSWMHC.

12. Сунь, М. Эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсе / М. Сунь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2(104). — С. 228–234. — EDN QEWFTG.

13. Цатурян, М. А. Эвфемизмы и дисфемизмы: лингвопрагматические особенности в политическом дискурсе / М. А. Цатурян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 4-2. — С. 170–172. — DOI 10.37882/2223-2982.2020.04-2.35. — EDN YDDDUQ.

14. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. — Москва : Воениздат, 1973. — 280 с.

15. Tertrais, B. The Diplomacy of “Red Lines” // Recherchés & Documents / Fondation pour la recherche stratégique. — 2016. — Vol. 2. — P. 7–29.

MATERIALS

1. On 13 November 2025, Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian presided over the regular press conference. Available at May 20, 2026 from https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251113_11752486.shtml.

2. On 14 November 2025, Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian presided over the regular press conference. Available at May 20, 2026 from https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251114_11753464.shtml.

3. People's Daily (2025, 14 Nov.). People's Daily: “The Bell Tolls: Absolutely No Tolerance for Toshimi Tachibana's Provocative Crossings of the Line on Taiwan”. Available at May 20, 2026 from https://www.peopleapp.com/column/30050752642-500007201649.

4. People’s Liberation Army Daily: Threatening Military Intervention in Taiwan Strait Situation Will Only Lead Japan Down a Path of No Return. Available at May 20, 2026 from http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-11-16&paperNumber=04&articleid=967058.

REFERENCES

1. Barinova, A. V. (2006). Vidy i sposoby ehvfemizatsii v sovremennom russkom literaturnom yazyke = Types and methods of euphemisation in modern Russian literary language. *Bulletin of Krasnoyarsk State University. Humanities*, *6*, 230–232.

2. Belyaeva, I. V., Kulikova, Eh. G. (2009). Manipulyativnoe iskazhenie: lingvisticheskiy smysl ehvfemizmov = Manipulative Distortion: The Linguistic Meaning of Euphemisms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, *22*(160), 15–20. EDN JTVTHH.

3. Belyakov, M. V., Maksimenko, O. I. (2019). Akademicheskiy aspekt diplomaticheskogo diskursa = The Academic Aspect of Diplomatic Discourse. *Social Sciences and Humanities in the Far East*, *16*(1), 61–67. DOI 10.31079/1992-2868-2019-16-1-61-66. EDN KZCKAD.

4. Valieva, D. R. (2019). Ispol′zovanie ehvfemizmov v politicheskom diskurse = The Use of Euphemisms in Political Discourse. *Kazan Science*, *12*, 68–70. EDN DTWHMB.

5. Garbovsky, N. K. (2004). Teoriya perevoda = Theory of Translation. Moscow: Moscow University Press, 544 p. ISBN 5-211-04802-4. EDN QQVIAN.

6. Kafiskika, O. V. (2017). Strategiya perevoda kak termin perevodovedeniya = Translation Strategy as a Term in Translation Studies. *Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory*, *1*, 4–19. EDN YQPSXX.

7. Logunova, K. A. (2014). Ehvfemizmy v diplomaticheskom yazyke = Euphemisms in Diplomatic Language. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *12-2*(42), 109–112. EDN SYEDHN.

8. Lysyakova, M. V., Gaevaya, A. A. (2018). Leksiko-grammaticheskie svoystva disfemizmov (na materiale politicheskogo diskursa) = Lexical and Grammatical Properties of Dysphemisms (Based on Political Discourse). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *9*(1), 50–76. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76. EDN YVXKPM.

9. Mironina, A. Yu. (2010). K voprosu o roli ehvfemizmov v politicheskom diskurse = On the Role of Euphemisms in Political Discourse. *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, *1*(2), 191–200. EDN OWABUH.

10. Mukhametzyanova, D. R., Sattarova, R. V. (2022). O protsesse ehvfemizatsii i disfemizatsii v sovremennom politicheskom diskurse SSHA = On the Process of Euphemization and Dysphemization in Contemporary US Political Discourse. *Perspectives on the Development of Modern Humanities*, 205–210. Sterlitamak: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. EDN QGCGDK.

11. Ryabova, M. Yu., Karukovets, N. S. (2025). Kommunikativnye strategii ehvfemizatsii i disfemizatsii diplomaticheskogo diskursa = Communicative strategies of euphemisation and dysphemisation in diplomatic discourse. *Political Linguistics*, *2*(110), 197–204. EDN JSWMHC.

12. Sun, Mingjie (2024). Ehvfemizmy v sovremennom russkom i kitayskom diplomaticheskom diskurse = Euphemisms in contemporary Russian and Chinese diplomatic discourse. *Political Linguistics*, *2*(104), 231–237.

13. Tsaturyan, M. A. (2020). Ehvfemizmy i disfemizmy: lingvopragmaticheskie osobennosti v politicheskom diskurse = Euphemisms and Dysphemisms: Linguopragmatic Features in Political Discourse. *Modern Science: Current Issues in Theory and Practice. Series: Humanities*, *4-2*, 170–172. DOI 10.37882/2223-2982.2020.04-2.35. EDN YDDDUQ.

14. Shveizer, A. D. (1973). Perevod i lingvistika = Translation and Linguistics. Moscow: Voenizdat, 208 p.

15. Tertrais, B. (2016). The Diplomacy of “Red Lines”. *Recherchés & Documents. Fondation pour la recherche stratégique*, *2*, 7–29.